

Департамент внешних связей ЯНАО
ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»

АРХЕОЛОГИЯ АРКТИКИ

ВЫПУСК VII

Типография «Золотой тираж»

2020

УДК 902.2(571.121)
ББК 63.442.7(253.3)
А87

Утверждено к печати Ученым советом ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики».

А87 Археология Арктики: сборник/Научный центр изучения Арктики; научные редакторы В.В. Питулько, Н.В. Федорова. Вып. VII. – Омск: Типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2020. – 396 с.

ISBN 978-5-8042-0680-3

Вниманию читателей предлагается седьмой выпуск серии «Археология Арктики», представляющий собой научное издание статей российских и зарубежных исследователей. Впервые представлены статьи американских авторов, касающиеся проблем археологии Северной Америки, а также заселения американского континента. Этим культурам посвящен специальный раздел сборника. Статьи сборника рассматривают вопросы взаимодействия человека и природной среды в древности и современности. Как и прошлые выпуски, издание стало возможным благодаря действию в Ямало-Ненецком автономном округе долгосрочной научной программы «Развитие научной деятельности в ЯНАО», подпрограммы «Развитие научной деятельности в ЯНАО в области археологии», финансируемой за счет бюджета округа. Хронологически статьи охватывают период от палеолита до этнографической современности, территориально включают весь арктический пояс планеты.

Научные редакторы: к.и.н. В.В. Питулько, к.и.н. Н.В. Федорова, редакция иллюстраций – Д.С. Тупахин.

Перевод с английского Т.В. Говорухина

Редакционная коллегия сборника: Д.А. Фролов, к.т.н., О.В. Корочкова, д.и.н., В.В. Питулько, к.и.н., Н.В. Федорова, к.и.н.

УДК 902.2(571.121)
ББК 63.442.7(253.3)

10+

ISBN 978-5-8042-0680-3

© Авторы статей, 2020
© Типография «Золотой тираж»
(ООО «Омскбланкиздат»), 2020

М.М. ШАХНОВИЧ,

Национальный музей Республики Карелия,
Петрозаводск, Россия,
e-mail: marksuk62@mail.ru

М.А. КУЛЬКОВА,

Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: kulkova@mail.ru

«БРАТЬЯ» ПОЛУОСТРОВА СРЕДНИЙ МУРМАНСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ БАРЕНЦЕВА МОРЯ. ОПЫТ ИДЕНТИФИКАЦИИ СААМСКИХ САКРАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ РУССКОЙ ЛАПЛАНДИИ

Аннотация. *Статья посвящена полевому обследованию в 2011 году оригинального природного объекта на полуострове Средний Мурманского берега Баренцева моря – останцы «Братья». Впервые в Мурманской области осуществлено специализированное изучение объектов-«сейдов» русской Лапландии. Геохимические исследования подтвердили гипотезу, что около скальных «столбов» совершались действия, которые можно рассматривать как жертвоприношения, т.е. он воспринимался, как выразительный природный объект, наделявшийся сакральными свойствами, что определяется в историографии по саамской этнографии как «сейд».*

Ключевые слова: *Мурманское побережье Баренцево море, полуостров Средний, саамский культовый комплекс, Русская Лапландия, «сейд».*

Abstract. *The article is devoted by field investigations of stone natural object «Bratya» located in the Srednii Peninsula of the Murmansk coast of the Barents Sea which were in 2011. At the first the special study of objects-«sieidas» of the Russian Lapland was carried out in the Murmansk region. The geochemical investigations supported the speculation about some ancient rituals like sacrifices that has been performed around rock pillars. Apparently it was perceived as expressive natural object possessing sacred properties what named in historiography of the Sami ethnography as «sieid».*

Keywords: *Barents Sea Murmansk coast, the Srednii Peninsula, the Saami cult complex, Russian Lapland, «sieid».*

Проблематика природных культовых объектов Лапландии

В настоящее время в археологии европейской части российской Арктики оформилось и актуализировалось ранее мало привлекавшее специалистов перспективное направление по изучению памятников аборигенных культур нашей эры.

«Вечные» исследовательские темы по дискуссионным вопросам мифологии коренных жителей Лапландии – это традиция почитания природных объектов-сейдов и проблематика саамских «ритуальных археологических комплексов»¹. В 1775 г. известный немецкий этнограф Иоганн-Готлиб Георги в обстоятельном очерке о коренном населении «Российской Лопарии» приводит краткие сведения о иерархии пантеона саамских божеств и выделяет две группы священных мест: почитаемые природные объекты (горы, реки, озёра) и «деревянные безобразные, из корней вырезанные

или из камней устроенные идолы, первых называют они пассами, а последних, кои видны больше при озёрах и реках и состоят из целых груд странно огромных камней, нарицают саетами» [Георги, 1799]. В нашем исследовании остановимся только на жертвенных местах, связанных с природными объектами².

Культ выразительных природных объектов был общим для всего ареала исторического расселения саам. Освоенное «лапландцами» окружающее пространство структурировалось посредством его мифологизации – выделения «мест особой сакральной силы», в качестве которых могли выступать разнообразные оригинальные элементы природного окружения: горы, скалы, вертикальные и горизонтальные расщелины, каньоны, отдельные валуны особой формы, гроты, острова, пороги, водопады, озёра, реки. Водоёмы и расщелины преимущественно рассматривались как места сообщений между разными мирами.

¹Ритуальный археологический комплекс – совокупность жертвенных вещей, ритуальных остатков/останков, культовых сооружений и предмета поклонения, являющихся результатом действий, связанных с магической или религиозной практикой («святилища», «капища», «жертвенные места», «костища», «жертвенные площадки и ямы» и т.д.) [Русанова, Тимошук, 2007].

²Из-за дискуссионности проблематики мы не рассматриваем встречаемые на Кольском п-ве и в Карелии оригинальные мегалитические сооружения – крупные валуны, установленные на небольшие камни-«подставки», с 1960-х гг. обозначаемые в российской историографии термином «сейды».

Интересующие нас горы и скалы воспринимались как обители духо-в-хозяев местности³. Доминирующая высота не была основным семантическим критерием, и сакральными в ландшафте считались не все крупные возвышенности. В шведской Лапландии саамские священные горы имели, например, «уникальный или странный» вид. Скалы естественной причудливой формы, сформированные эрозией, часто избирались для сакрализации, особенно, если в них усматривались антропоморфные черты [Прайс, 2002. С. 56–57].

В региональной историографии культ природных объектов иногда трактуется как самобытное явление саамской культуры, что не соответствует действительности. В ретроспективе в различных вариантах следы подобных анимистических представлений отмечаются повсеместно на огромной территории Северной Европы и Сибири, где присутствует горный рельеф [Сериков, 2013; Шутова, 2018].

В западной части ареала исторического расселения саам разноплановые этнографические и археологические исследования жертвенных мест проводятся целенаправленно со второй полови-

ны XIX в. Профессиональное внимание привлекали как крупные «общеродовые святилища», так и небольшие «семейно-промысловые жертвенники». Постепенно сформировались принципы работы с этими специфичными источниками по «саамской археологии», но общая методика пока не выработана, и дискуссия продолжается [Sarkkinen, 1995; Okkonen, 2007; Äikäs et al., 2012; Äikäs, 2015; Аикас, 2016].

Существует мнение, что «культовые места кольских саамов изучены на местах их расселения достаточно хорошо» [Кошечкин, 2003. С. 118], но реально на территории России «святилища», соотносимые с саамским этносом, несмотря на постоянный интерес, углублённо археологами не обследовались. Информация о «лопских капищах» в известных нарративных и документальных источниках минимальна, и сведения об особенностях их функционирования основываются только на малочисленных, фрагментарных и с существенной долей субъективности сообщениях конца XIX – начала XX в. этнографов и путешественников по Кольскому п-ову [Харузин, 1890; Визе, 1912; Алымов, 1929]. Часто практикуется привлечение для интерпре-

³«Боготворение камней составляет одну из выдающихся особенностей религии Лопарей. Везде, где говорят языком лопарским, слышны предания о Сейде, Сиейде, т.е. об идолах из камня, в которых по понятиям лопарей, живёт божество и ему они приносят жертвы по большей части из рогов или оленьих костей» [Кастрен, 1860].

тации разных сторон религиозного мировоззрения аборигенов Русской Лапландии, несомненно, более значительного блока источников по истории и этнографии саамских групп остальной части Фенноскандии. Методологически это неверно, так как уже в XIX в. отмечались различия обрядовых традиций в поклонении культовым камням у западных и восточных саамов. Кроме того, этнографические примеры не обязательно представляют собой ритуалы, непосредственно восходящие к более раннему времени.

Методика поиска культовых объектов

При отмеченной незначительности источников некоторая основа для поиска на местности объектов, которые связаны с культовой деятельностью, всё же существует. В первую очередь, это блок «специальной» саамской микротопонимики, собранный в 1920–1930-е гг. [Географический..., 1939], а также единичные краткие описания путешествующих специалистов, позволяющие «вычислить» местоположение сакральных объектов [напр. Ramsay, 2008; Хальстрём, 2013]. Важна и информация, собранная советскими этнографами, отложившаяся в научных архивах, нередко опубликованная только частично.

Тем более, что жертвенные места, связанные с промыслами, функционировали в глубинных районах Кольского п-ва ещё относительно недавно. Например, Н.Н. Гурина описывает такое «святилище» на вершине каменистого острова Колдун в южной части озера Ловозеро: жертвенная яма, заполненная рогами оленя и окружённая кругом из вкопанных в землю рогов [Гурина, 1982. С. 19]. Есть сообщения о подобных объектах и у В.В. Чарнолусского: «На самой вершине холмика на берегу озера сложена груда окатанных голышей размером с детскую голову и побольше. Камни обложены оленьими рогами. Некоторые рога украшены треугольными кусками красного сукна и бусами» [Чарнолусский, 1965. С. 70].

В настоящее время возможности целенаправленного археологического поиска в Восточной Фенноскандии сакральных мест объяснимо ограничены. В качестве предмета специализированного исследования можно рассматривать или объекты, с которыми связаны исторические и этнографические сведения об их сакральном назначении или выявленные в процессе площадных раскопок участки культурного слоя, отличающиеся по ряду специфических признаков от характеристик стандартных производственных и бытовых зон, что позволяет предпо-

ложить осуществление культовых действий.

Нами выбран третий вариант – направление внимания на визуально вычленяемые в ландшафте природные объекты оригинальных форм (валуны или скальные образования) с характерными топонимами, в отношении которых можно предположить, что ранее они могли восприниматься как элемент сакральной топографии.

В работе мы опирались на следующие логические положения.

«Лопские богомерския жертвища» в зависимости от своего назначения специально обустроивались на локальных участках местности с набором признаков, отвечающих определённой модели создания сакрального пространства, или приурочивались к неординарным природным объектам. Во втором случае в качестве возможной открытой ритуальной площадки использовался «удобный» для проведения специальных действий примыкающий участок поверхности, обычно небольших размеров и, как правило, должен иметь природные или искусственно оформленные гра-

ницы. В целом им было присуще отсутствие ярких признаков святилищ, скромная атрибутика и минимальное оформление.

Сакральный характер объекта предполагает соответствующую обрядовую практику, важная часть которых – это жертвоприношения: «обычаи держат и жертвы и хвалы приносят злочестивым обычаем». По этнографическим и археологическим данным, в Лапландии они могли быть самыми разнообразными в зависимости от характера «просьбы» (предметные, пищевые, символические), но всегда несущими смысловую нагрузку: отдельные части добычи охоты и рыбного промысла, (рога, шкуры, головы, копыта, мясо, кровь, жир, кости, крылья), закланные домашние животные (олени, собаки, кошки, овцы), приготовленная пища для ритуальной трапезы (молочные продукты, хлеб и т.п.), украшения и монеты, предметы одежды и личного обихода, охотничьи принадлежности, табак и алкоголь [см. Харузин, 1890. С. 168–169; Аикас, 2016].⁴ Обетные и жертвенные приношения в таких местах

⁴«Всяк приносит от себя единственно жертву. Приготовляясь к обряду сему, очищается и привязывает крепко всех собак, чтоб какая-нибудь не перебежала чрез его дорогу, а потом взяв с собой кости или рога требуемого богами в жертву зверя, пускается в путь к святому месту, не говоря о том никому, а увидев оное, кидается опростетью на землю и ползёт к своей святыне. Потом возлагает приношение своё на жертвенник, молится, прижав лицо своё к земле, и встав, возвращается в своё жилище. Большая половина жертв остаётся на просто на месте, а оттого превеликие скопляются груды костей, рогов, но некоторые зарывают оные, потому может быть, что дарят подземным божествам. Мяса не приносят никогда в жертву, будучи крепко уверены, что боги не приминут оным покрыть кости» [Георги, 1799]. «А обычаи де оне, лопари, держат от прародителей своих. Когда им бывает время ходить на какие промыслы для зверя и для оленей, и для рыбы, и в то время обещающа оне приносить жертвы: иной – дереву, иной – камню, иной – кусту, первого зверя промысла своего оленя или иного коего добудет. И сняв с него кожу, а кровь выточиши в сосуд,

совершали «анимисты» не только в «дохристианские времена», но «по традиции» крещеные саами и, «на всякий случай», и поморы. Как показывают специализированные работы на европейском Северо-Востоке, Урале и в Прикамье, сакральные места, приуроченные к оригинальным элементам ландшафта, могли быть объектами почитания разными этническими и конфессиональными группами населения с каменного века до этнографической современности [Сериков, 2013. С. 35–37; Шутова, 2018].

История археологического изучения п-ова Средний

Знаменитые п-ва Средний и Рыбачий Мурманского побережья Баренцева моря находятся в 90 км к северо-западу от г. Мурманска, в 30 км к востоку от российско-норвежской границы (Рис. 1). Первые находки орудий каменного века в этом районе происходят с западного берега залива Большая Мотка: в Мурманский краевой музей из местечка Озерки поступил «полированный шиферный нож»,

найденный в 1922 г. [Золотарёв, 1930. С. 115; Шмидт, 1930].

А. Нуммедал в 1926 г. положил начало археологическому изучению морского побережья п-ва Средний [Nummedal, 1929]. В 1928 г. норвежские археологи Вяйно Таннер и Гуторм Гьессинг на северном берегу губы Малая Волоковая нашли стоянку «арктического неолита» Мааттвиуоно Ротойоки с восемью жилищными впадинами и одно саамское поселение. На следующий год финский исследователь Сакари Пялси раскопал здесь два жилища, которые по геологическим данным датировал временем 4000–3000 л.н. и отнёс к типу Грессбаккен. Рекогносцировочные работы провёл в 1934 г. Ё. Леппеахо [Seitsonen, 2006].

В 1935 и 1937 гг. «по поручению ИИМК и советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода (INQUA)» в самой северо-западной точке СССР работали геолог Б.Ф. Земляков и археолог ГАИМК П.Н. Третьяков, обнаружившие на песчано-гравийных обнажениях береговых валов 12 пунктов с кварцевыми находками. В советской

и мясо розсекают, и тою кровию обливают дерево, или камень, и куст, и кожею покрывают, а мясо розсекши, мечют по земли для приношения. И розметав по земли, отшедшы от того места, и приносят хвалу птицам и зверем. А в похвале своей говорят: «птицы и звери, промысла нашего мяса поядайте, а зла нам в промыслу никакова не делайте». А дерево, или камень, или куст кожею покрывшы, и отшед тому месту, кланяются и хвалу приносят, и говорят: «Дай нам, Господи, чем бы нынешней год жить». А иные тех мяс оставляют и сами ядят. И бес того де богомерского своего обычая оне, лопари, никакие свои промыслы преж сего и по се время не ходили. ... Они же приносят жертвы водам: мечют в воду серебро, медь, олово и хлеб и просят себе от вод в промыслах прибытка и себе здоровья. Да оне же отдают домовых своих оленей в жертву горам и дереву и молятся, чтоб у них олени долго жили и плодились». [цит. по Жуков, 2004. С. 299–300].

Рис. 1. Мурманская обл. Место проведения работ 2011 года

части п-ва Средний (западное побережье залива Большая Мотка) были зафиксированы три стоянки «арктического палеолита и неолита»: две на западной стороне залива около местечка Озерки и одно на берегу ручья Корабельный [Земляков, 1940. С. 114–117; Третьяков, 1937. С. 227–228]. Работы в этом районе продолжены в 1965 г. экспедицией ЛОИА АН СССР, которая по берегам губы Большая Мотка обнаружила ещё двадцать новых памятников каменного века [Гурина, Кошечкин, 1978. С. 80–86].

Об «остатках древних саамских становищ» есть только несколько кратких сообщений. Этнограф Н. Харузин упоминает заброшенное саамское капище на скале Шараповнаволок на п-ве

Рыбачий [Харузин, 1890. С. 192], а Б.Ф. Земляков и Н.Н. Гурина – «группу землянок в Мотовском заливе, у подножия горы Рока-Пахта», «целые серии эллиптических ям с крестообразно идущими ходами, прорезающими галечные отвалы по четырём направлениям» [Земляков, 1936. С. 61; Гурина, 1951. С. 144, 166]. В 1994 г. на п-ове Рыбачий выявлены несколько саамских позднесредневековых поселений [Мурашкин, 2005. С. 149]. Известные по историческим документам древности «московитского времени» археологами не обследовались. Только в 2017 году проводился поиск остатков средневековых волоков на перешейках, ограничивающих п-ов Средний с юга и востока [Шахнович, 2019].

Работы 2011 г.

Постановка проблемы.

Обычный набор задач начального этапа полевого обследования выявленного памятника археологии: предварительное датирование, определение функционального назначения, культурной принадлежности и границ распространения слоя. Нередко регламентированный максимальный объём шурфовки не может дать окончательных ответов на эти вопросы. В то же время в климатически суровых условиях труднодоступных областей Заполярья актуальна потребность в минимизации земляных работ в процессе разведок.

В 2011 г. совместно со специалистами изотопного центра МРЦКП РГПУ им. А.И. Герцена проведена археологическая экспедиция для обследования интересных объектов с неясной атрибутикой «Круги» и «Братья», располагающихся в разных местах п-ва Средний. Целью работ была апробация одного из «облегчённых» вариантов первичного изучения памятников археологии – получение необходимой информации без проведения земляных работ и с наименьшим «вторжением» в культурный слой. Предварительные итоги этих изысканий ранее рассматривались в небольших публикациях в специ-

ализированных изданиях [Кулькова, Шахнович, 2012а; 2012б]. В последующем подобные партнёрские исследования по опробованной методике были продолжены на других археологических объектах Мурманской области и Карелии [Шахнович, Кулькова, 2015; Шахнович и др., 2015; Шахнович и др., 2019; Kulkova et al., 2019].

Скальные останцы «Братья» – памятник послеледниковой геологической истории Фенноскандии, расположенный непосредственно на морском берегу, в северо-западной части п-ова Средний (Рис. 1–3). Два живописных каменных столба причудливой формы своей выразительностью выделяются в окружающем ландшафте, производя большое впечатление на путешественников, которые воспринимали их как природные «статуи» с мифологической смысловой нагрузкой⁵. Другие геологические образования подобного вида в этом районе нам неизвестны. Отправной точкой для работы в 2011 г. стало наше предположение о возможных ритуальных мероприятиях, которые производились около данных каменных останцев.

В процессе обследования археологами культовых природных

⁵«Дорога шла частью по обломкам шифера, покрывающего на всём полуострове фундамент скал, а частью болотами и кустарником ползучей березы. ... Четыре часа шли мы эти пятнадцать верст, постоянно делая привалы; слишком утомителен был этот подъём. Но вот склон кряжа становится всё отложе, обломки шифера попадают реже

объектов выработаны несколько основных критериев, при наличии которых можно утверждать об их возможном сакральном характере: зафиксированная практика «почитания», следы антропогенного воздействия и сопутствующие находки [Макаров, Чернецов, 1988]. Но подтвердить нашу гипотезу с помощью только археологических методов объективно сложно. В естественно дренируемых песчано-гравийных почвах Восточной Фенноскандии остатки антропогенной деятельности почти из всех материалов (кроме артефактов из кристаллических горных пород и хорошего обжига керамики) подвергаются активному физическому и химическому разрушению, чаще всего приводящему с течением времени к частичному или полному изменению первоначального состояния. Плохая сохранность «следов человеческого бытия» существенно уменьшает информационный массив, получаемый с помощью археологических методик. Одно из возможных решений в данной ситуации – это использование при изучении культурного слоя методов естественных наук,

адаптированных для работы с археологическими источниками.

Общее описание памятника. Столбы располагаются на ровной, покрытой ягодником первой морской террасе – древнем галечном пляже, на высоте около 15 м над уровнем моря. Высота их – около 30 м, удалённость от края террасы – 10 и 25 м, друг от друга – 45 м. Под дерном – неокатанный скальный обломочный материал (щебень) с крупнозернистым песком (Рис. 2–4).

«Братья», как и весь западный берег п-ова Средний, сложены кровельным, плитчатым хлоритовым сланцем – легко разрушающейся, мягкой, слоистой породой. По периметру на высоту 10–15 м останцы окружены широкими поясами задернованных осыпей из обломков мелких сланцевых плиток, без «свежих» кусков на поверхности. Механическое их разрушение происходило под воздействием физического выветривания, колебаний температуры, «морозобоя» и, что наиболее вероятно, во время сейсмических толчков [Николаева, 2009]. Кольский регион, входящий в северо-восточную часть Балтийско-

(их отсюда смывает вниз), путь наш пролегает по гладким площадкам обнажённых скал, и нам осталось каких-нибудь сажен триста до двух «братанов». Так называются два каменных столба, стоящих или нарочно поставленных на самом перевале кряжа. Их видно очень издалека и на них всегда держат направление пешеходы из Малой Корабельной в Большую – это кратчайший путь» [Подвысоцкий, 1876. С. 64]. «У подножия скалы-пахты, на небольшом от неё отдалении, на промежутке между ней и морским берегом стоят окаменевшие нойды. Здесь их два: нойта Киирреи-Укко и нойта Киипери-Акка. Место обитания могущественных чародеев Киипери – в сланцевых, шиферных кучах горы Пууманки. Они стоят тут, на кромке крутого берега, рядом друг возле друга, окаменевшие, согласно одному из преданий, в наказание за свои злодеяния. Тридцатиметровые каменные изваяния, напоминающие готовящихся к взлёту птиц, с вытянутыми шеями и тревожно повернутыми в сторону моря головами» [цит. по Мацак, 2005. С. 148].

Рис. 2. П-ов Средний. Останцы «Братья». Вид с северо-запада

го щита, рассматривается сегодня как тектонически активная и сейсмогенерирующая провинция. В Печенгском районе существуют следы от землетрясений мощностью VI–IX баллов, происходивших в период от освобождения территории от ледника до исторического времени [Николаева, 2006; 2009. С. 338, 340; Никонов, 2014; Спиридонов, 2005]. Возможно, крупные сейсмические катаклизмы и сформировали современный облик наших останцев.

Крутой обрыв берега, широкая панорама океана с видом на Айновы острова, единственный путь вдоль океанского побережья, стекающие по стенам берегового каньона пресноводные ручьи, хорошая солнечная экспозиция, немаловаж-

ная в летнее время продуваемость – это небольшой перечень комфортных условий этого места. В качестве частного наблюдения упомянем, что на данном участке побережья только между столбами существует эффект такого акустического явления как однократное эхо.

На самый верх столбов забраться невозможно, что, вероятно, было препятствием и для древних «посетителей». В их очертаниях мы не усмотрели «антропоморфизма». Не исключено, что аборигенами они всё же воспринимались как гигантские человеко- или орнитоподобные фигуры. При визуальном осмотре какие-либо гравировки на сланцевых плитках по бокам останцев не отмечены.

Рис. 3. П-ов Средний. Останцы «Братья». Вид с востока

Методика геохимического картирования. При отсутствии маркирующих находок, что часто бывает при предварительном обследовании, важный фактор для выработки объективного заключения – привлечение геохимических методик. Это позволяет решать вопросы, на которые трудно или часто невозможно ответить только классическими способами археологии. Одна из значимых задач, которая может быть реализована с помощью естественнонаучных методов, заключается в индикации археологических памятников и реконструкции различных функциональных зон в местах древних обитаний. В этом случае материалы раскопок дополняются информацией о струк-

туре антропогенных отложений, условий их формирования и накопления, что многократно повышает информативную результативность работ.

При оконтуривании границ поселений с нечётким культурным слоем самый простой для оперативного применения в полевых условиях это метод фосфатного анализа. Подобные работы по определению признаков существования сакральной практики в известных по этнографии местах саамских «капищ», в это же время проводились финляндскими коллегами в трёх пунктах финской Лапландии. Это была интересная, но, к сожалению, малорезультативная попытка обнаружить следы от жертвенного

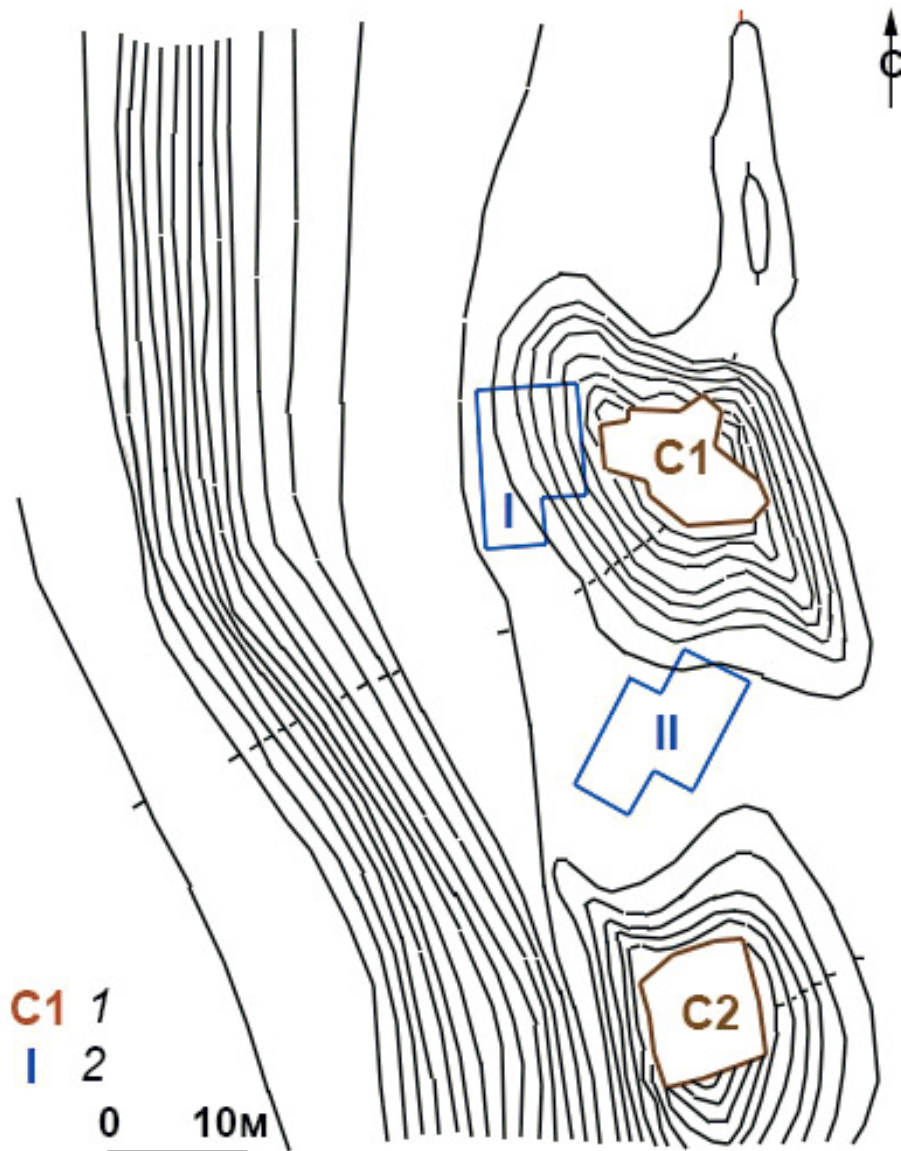

Рис. 4. П-ов Средний. План останцев «Братья». 2011. Сечение горизонталей через 1 м. 1 – останцы; 2 – участки геохимического обследования.

обмазывания (кровь, жир) на боковых поверхностях камней-«сейдов» [Äikäs..., 2012; Аикас, 2016].

Учитывая сложность задачи, мы решили провести полное картирование минералого-геохимического состава отложений на выбранных двух участках у подножий останцев. Методики отбора образцов по площади с использованием многоэлементного ана-

лиза и обработки данных методами математической статистики успешно развиваются в последнее время в России [Кулькова, 2012]. Предполагалось, что аналитические исследования распределения элементов-индикаторов антропогенных систем, а также их ассоциаций, полученных с помощью методов математической статистики, составление моно- и полиэлемент-

ных карт, сравнение геохимических данных с археологическими материалами позволят установить расположение возможных функциональных зон, остатков конструкций, кострищ и ям, дадут основание для их интерпретации.

Накопление того или иного элемента обусловлено различными природными факторами формирования отложений и их последующего диагенетического преобразования, продолжительности и интенсивности оккупации людьми данного места и процессов, происходящих после погребения древних отходов жизнедеятельности. Их поведение зависит от кислотно-щелочных (рН) и окислительно-восстановительных (Eh) условий, содержания органического вещества, минерального состава и текстуры почв. Поэтому разные элементы ведут себя неодинаково в идентичном геохимическом состоянии при почвообразовании на древнем поселении. Для оценки антропогенного воздействия на окружающую среду использовался способ «многоэлементного» анализа [Parnell, Terry, 2002; Wilson..., 2007].

Каждая фаза антропогенной активности на поселении или в пределах ритуальных и хозяйственных участков изменяет свойства, состав почв и оставляет свой геохимический след в отложениях. Главными элементами, кото-

рые могут характеризовать антропогенное воздействие, являются фосфор, кальций и стронций – основные компоненты, входящие в состав минеральной части костной ткани, зубов, роговых образований [Nunez, 1977; da Costa, Kern, 1999]. В процессе захоронения карбонат-апатит, из которого состоит минеральная часть костной ткани, практически не растворяется и не вымывается водными потоками. Поэтому в местах поселений и особенно в захоронениях людей и животных содержания фосфора, кальция и стронция имеют существенные аномальные значения. Для характеристики антропогенного влияния используются также калий, рубидий, марганец и, в некоторой степени, цинк. Аномальные содержания на поселениях и в местах жилых помещений связываются с зонами очагов (K, Rb, Zn) и остатками органического происхождения (Mn, Ba) [Griffith, 1981; Middleton, Price, 1996; Aston, 1998].

При отборе образцов отложений, основываясь исключительно на нашем субъективном восприятии о «комфортности для проведения ритуальных действий», на объекте «Братья» выделены два участка, вытянутые по линии север–юг. Первый – площадью 54 м² (10х3–6 м) – располагается к западу от северного столба. Он занимает ровную площадку террасы и часть осыпи на высоту около 1,5 м. Вто-

рой участок (56 м²) находится на ровной площадке между осыпями обоих останцев. Образцы отложений под небольшим слоем дерна и торфа на глубине 0,15 м от современной дневной поверхности отбирались по условной сетке, примерно через 1,5 м друг от друга. Контрольные, «фоновые» пробы грунта сделаны на удалении от столбов: в 50 м к югу, а также на южном и западном склонах осыпи. Кроме того, были взяты пробы грунта за пределами поляны.

Химический состав проб определялся методом рентгено-спектрального флуоресцентного анализа на спектрометре «СПЕКТРОСКАН МАКС» в лаборатории Геохимии окружающей среды РГПУ им. А.И. Герцена с последующей обработкой методами математической статистики [Klecka, 1980]. В результате камеральной подготовки геохимических данных с помощью компьютерной программы SurferMappingSystem (Version 9.0) были построены графики и карты, отображающие пространственное распределение в почвенном слое памятника показателей содержания основных геохимических индикаторов, связанных с антропогенной активностью и особенностями природных процессов осадконакопления: меди, цинка, кальция, калия, магния, фосфора, хрома, кадмия, натрия и свинца. Факторный анализ

позволил вычленивать группу элементов-индикаторов деятельности человека на памятнике и дал возможность выявить соотношения между ними, характеризующими антропогенное воздействие на культурный слой объекта, и остальными химическими составляющими, относящимися к природному минеральному составу отложений (Рис. 5).

Геохимическое картирование. Кратко приведём основные выводы по результатам обследования участков поверхности около культового комплекса «Братья» (Рис. 6–16).

Формула первого фактора (F1) (63,5%): $\text{CaO}_{(0,80)} \text{Sr}_{(0,89)} \text{P}_2\text{O}_{5(0,33)} / \text{Al}_2\text{O}_{3(0,98)} \text{SiO}_{2(0,97)} \text{TiO}_{2(0,99)} \text{Zr}$ показывает антагонизм между группами элементов, связанных с антропогенной деятельностью и элементами, отражающих состав материнских пород и сформировавшихся с участием процессов выветривания.

Для того чтобы отделить кальций и стронций из антропогенных остатков от кальция и стронция, входящих в состав породообразующих минералов, использовались соотношения $\text{CaO}/(\text{CaO}+\text{Na}_2\text{O})$ и $\text{Sr}/(\text{Sr}+\text{Na}_2\text{O})$. Выявленное аномальное распределение значений модулей $\text{CaO}/(\text{CaO}+\text{Na}_2\text{O})$ и $\text{Sr}/(\text{Sr}+\text{Na}_2\text{O})$ может быть связано с концентрациями костных остатков и тканей, с сжиганием костей или

разделкой животных. По сравнению с содержанием кальция в фоновых образцах (0,2–0,5%), отобранных за пределами памятника, аномальными можно считать содержания 1–3%. По стронцию фоновые содержания – 0,08–0,17%, а повышенные содержания – 0,3–0,36%.

Полученные данные показывают, что на исследованных обоих участках памятника можно выделить две аномальные зоны, которые, возможно, могут быть местами ритуальных действий. К этим зонам относятся и аномалии, уста-

новленные по калию и рубидию. Соотношение $K_2O/(Na_2O+K_2O)$ является индикатором древесной золы в отложениях культурного слоя, и может, в данном случае, рассматриваться как маркер участков прикострищных зон. Распределение значений геохимического модуля $Rb/(Rb+K_2O)$ хорошо коррелирует с $K_2O/(Na_2O+K_2O)$ модулем.

Костровые зоны также могут характеризоваться повышенными значениями цинка (Zn) и меди (Cu). Зоны геохимических аномалий по этим элементам немного

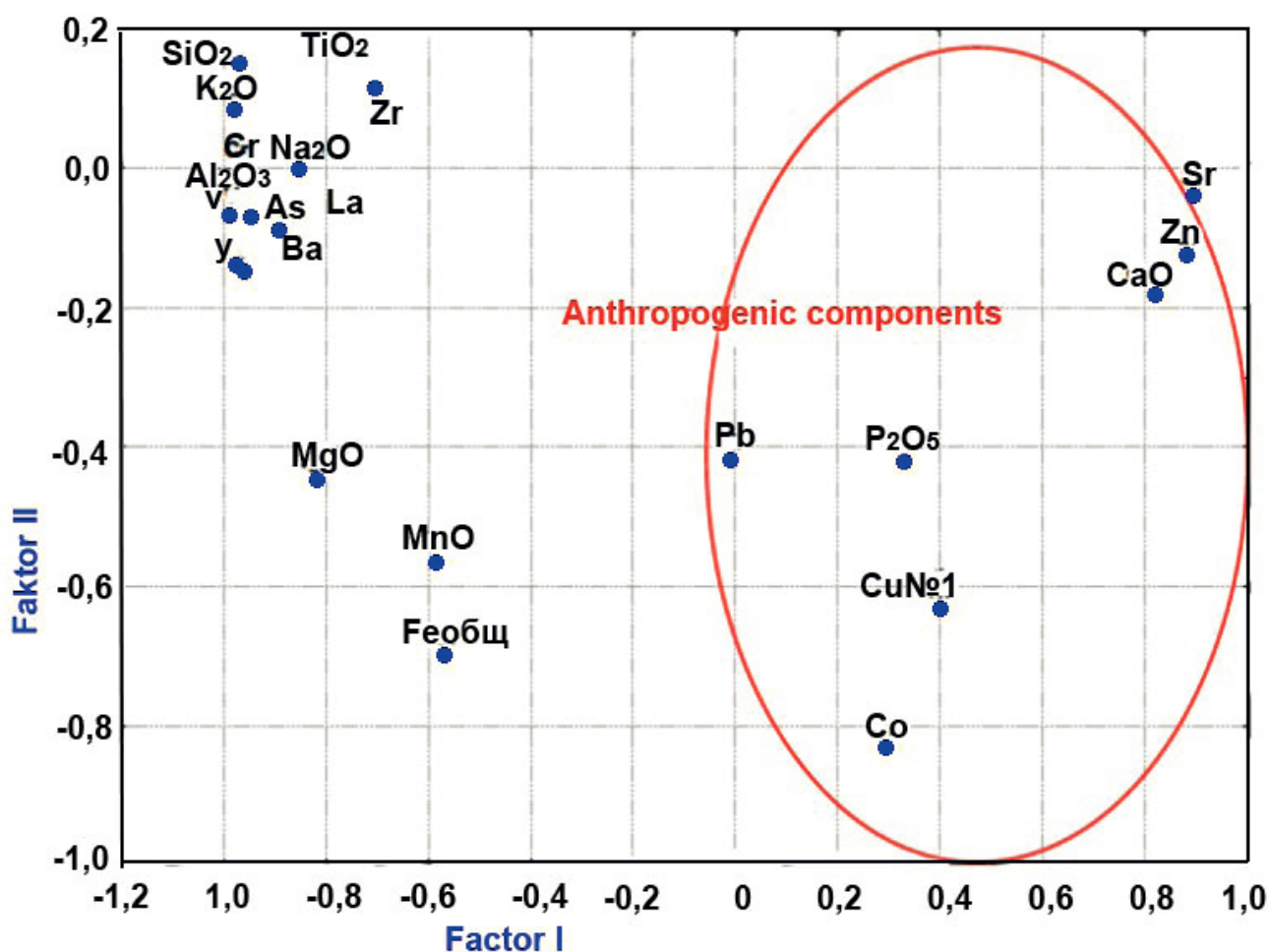

Рис. 5. Главные химические компоненты, характеризующие антропогенную активность на памятнике.

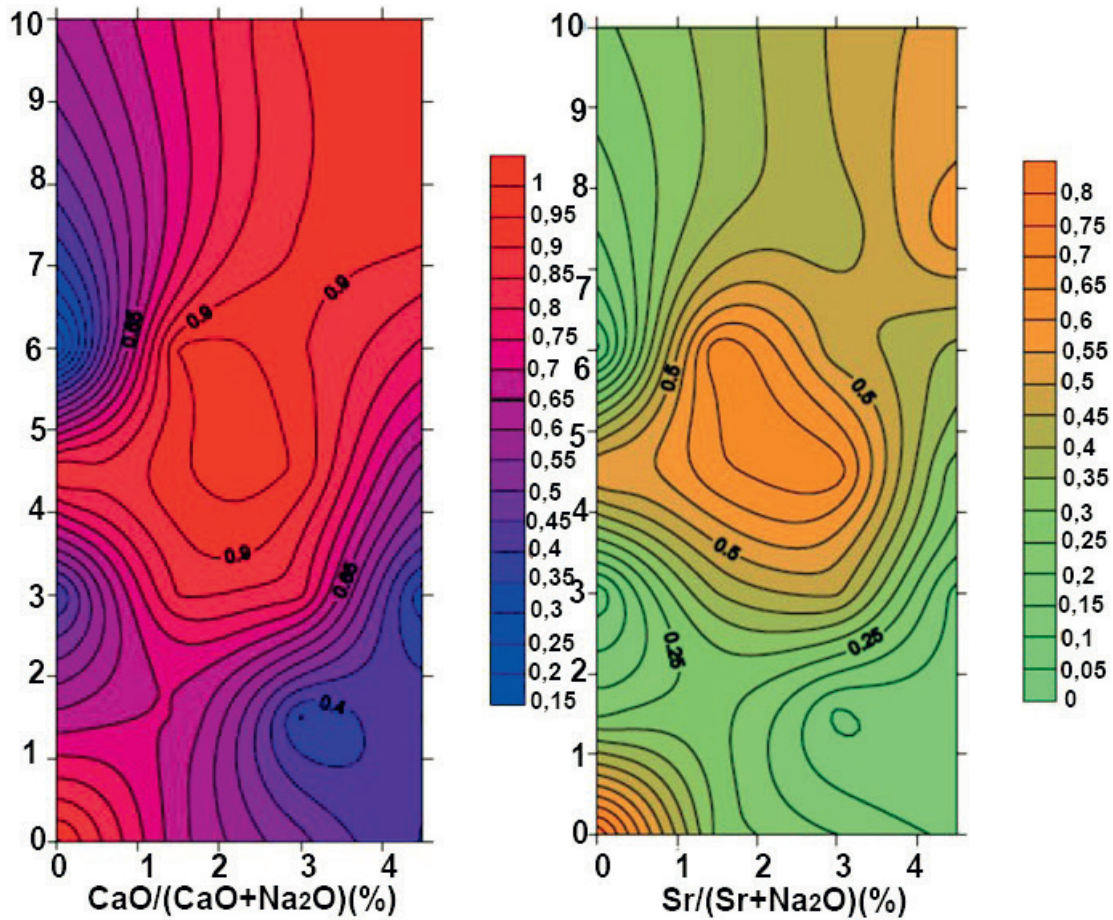

Рис. 6. Участок 1. Геохимические карты распределения $\text{CaO}/(\text{CaO}+\text{Na}_2\text{O})(\%)$ и $\text{Sr}/(\text{Sr}+\text{Na}_2\text{O})(\%)$

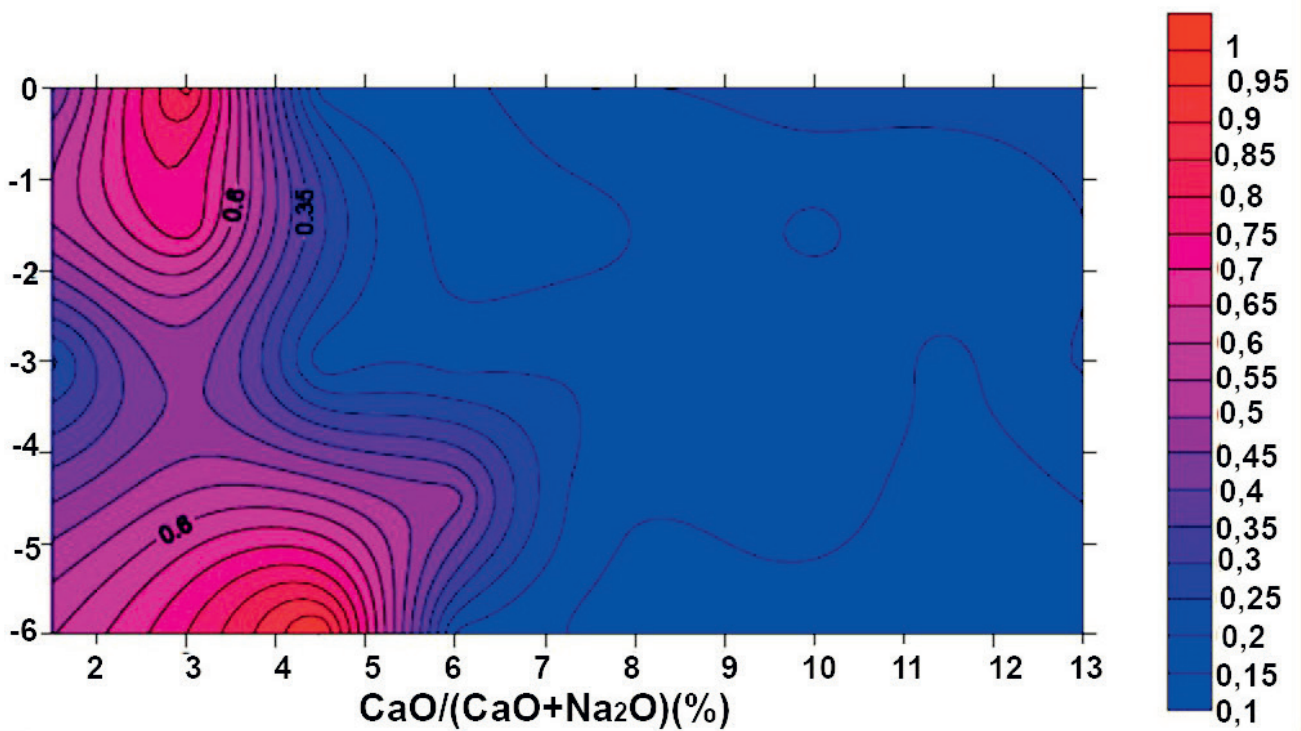

Рис. 7. Участок 2. Геохимическая карта распределения $\text{CaO}/(\text{CaO}+\text{Na}_2\text{O})(\%)$.

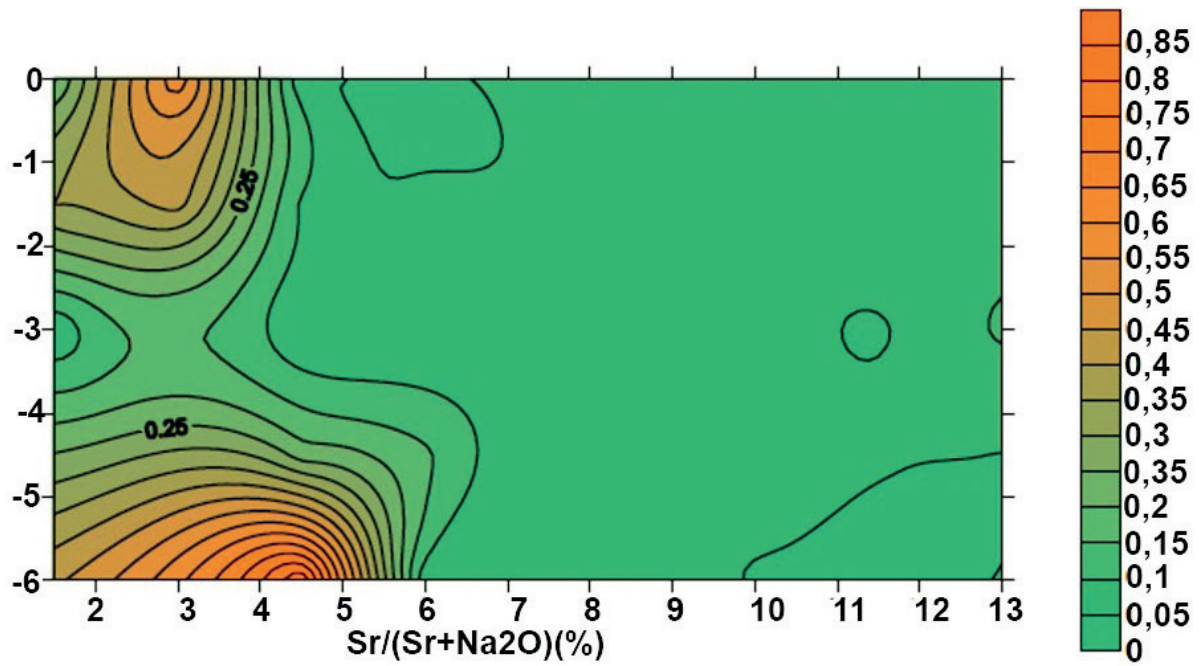

Рис. 8. Участок 2. Геохимическая карта распределения $Sr/(Sr+Na_2O)$ (%).

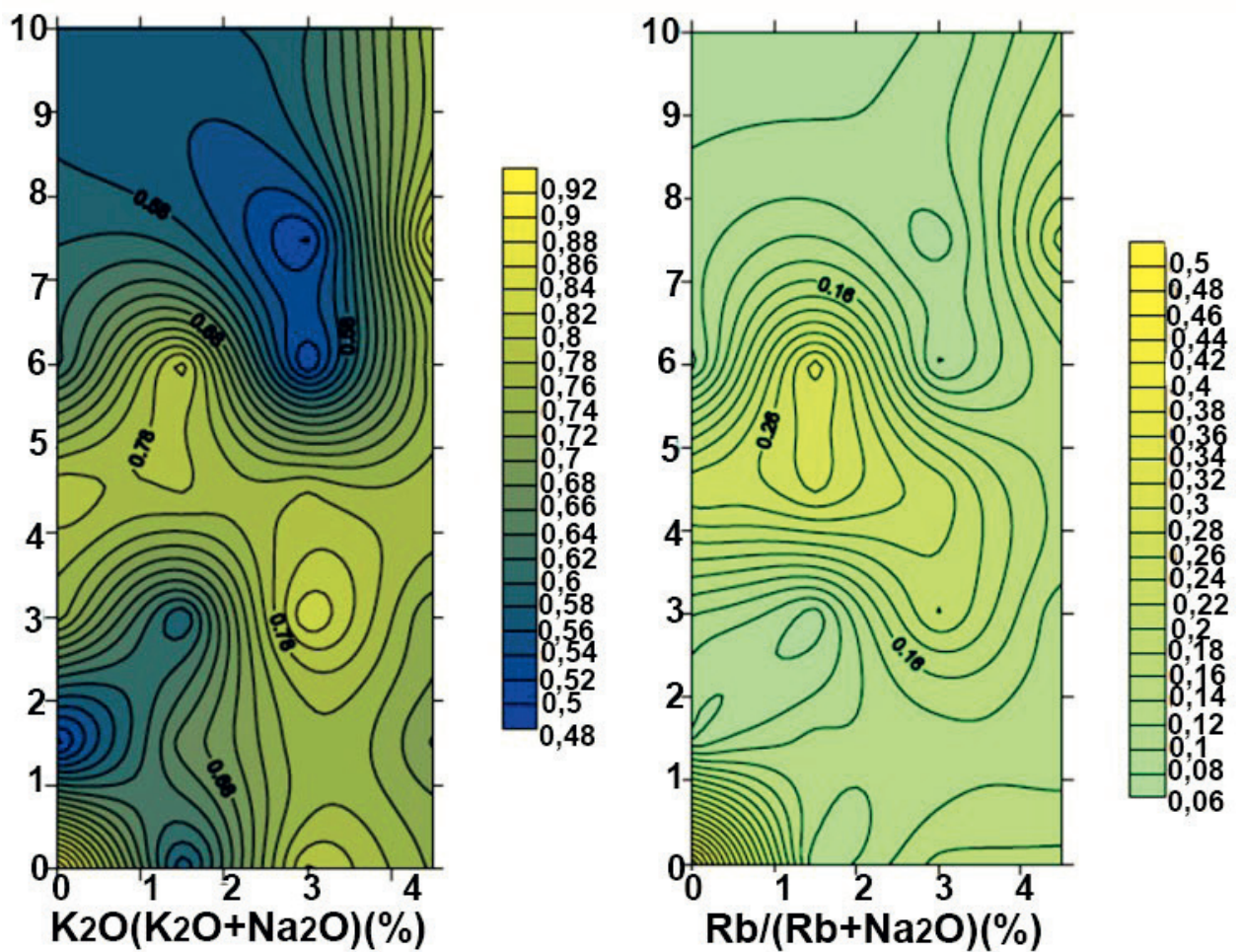

Рис. 9. Участок 1. Геохимические карты распределения $Rb/(Rb+Na_2O)$ (%) и $K_2O/(K_2O+Na_2O)$ (%)

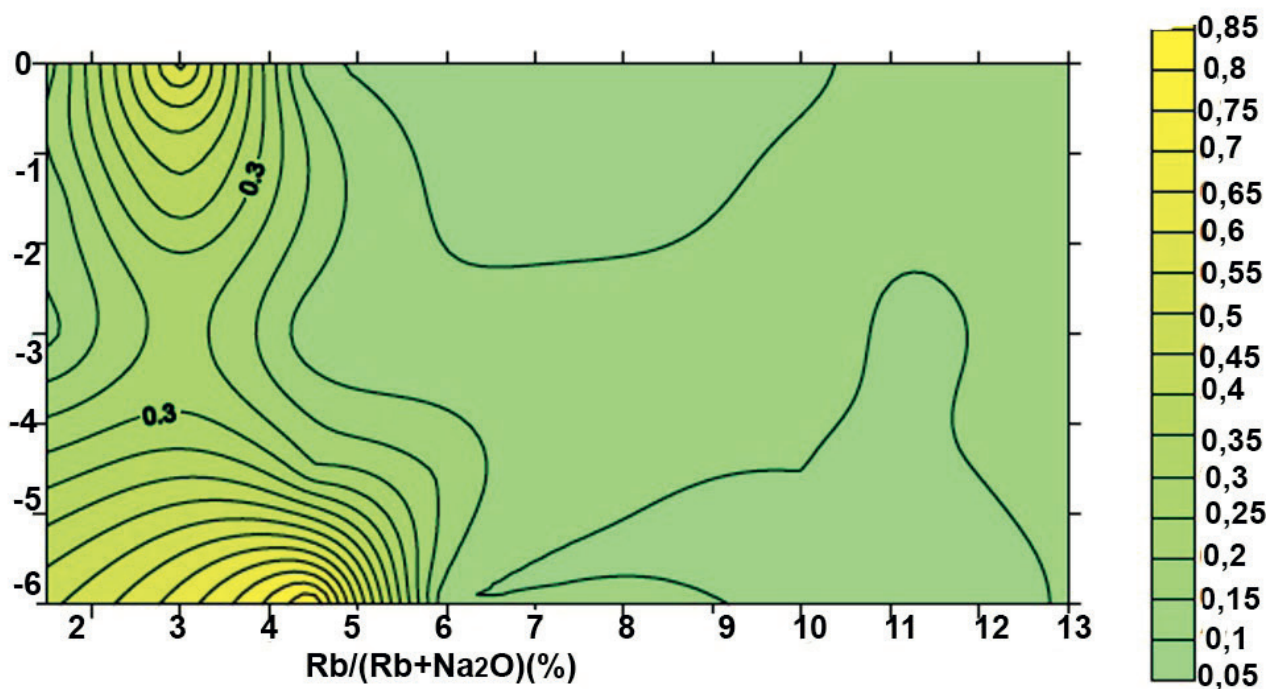

Рис. 10. Участок 2. Геохимическая карта распределения $Rb/(Rb+Na_2O)$ (%)

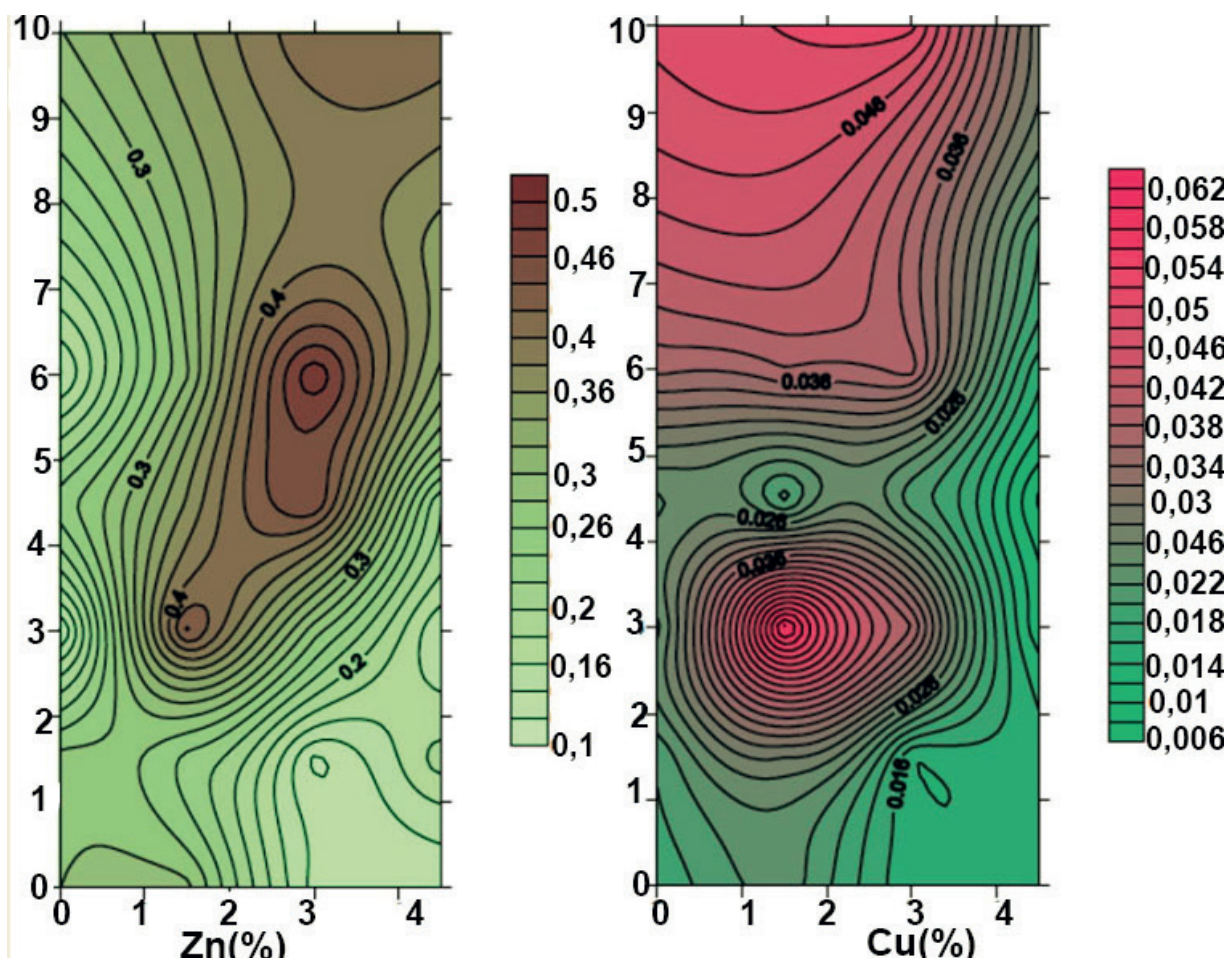

Рис. 11. Участок 1. Геохимические карты распределения Zn (%) и Cu (%)

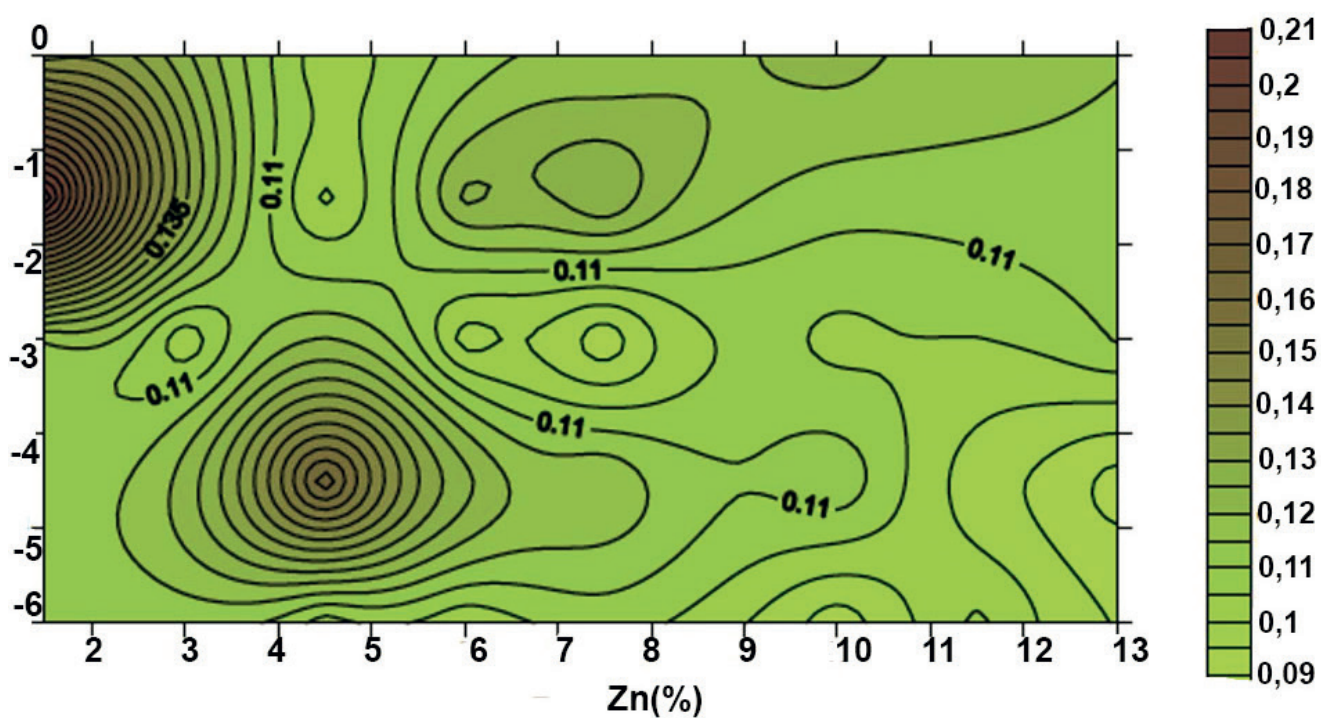

Рис. 12. Участок 2. Геохимическая карта распределения Zn(%)

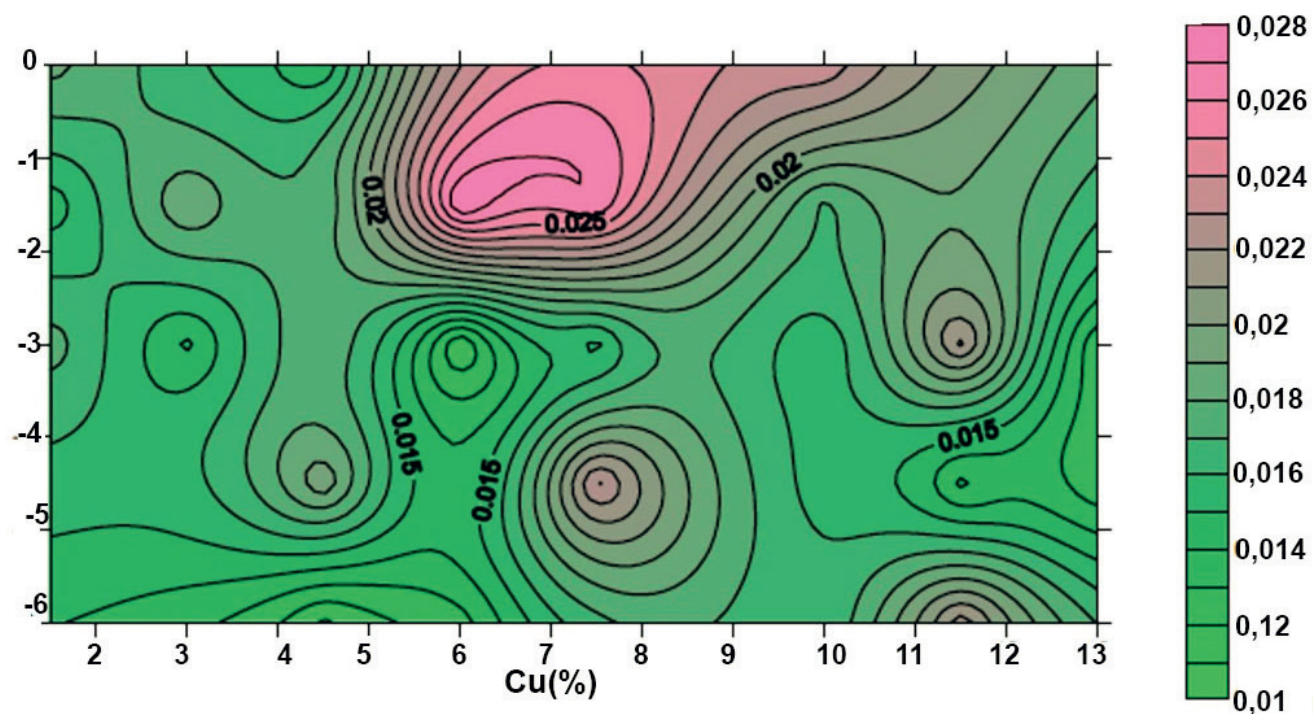

Рис. 13. Участок 2. Геохимическая карта распределения Cu (%)

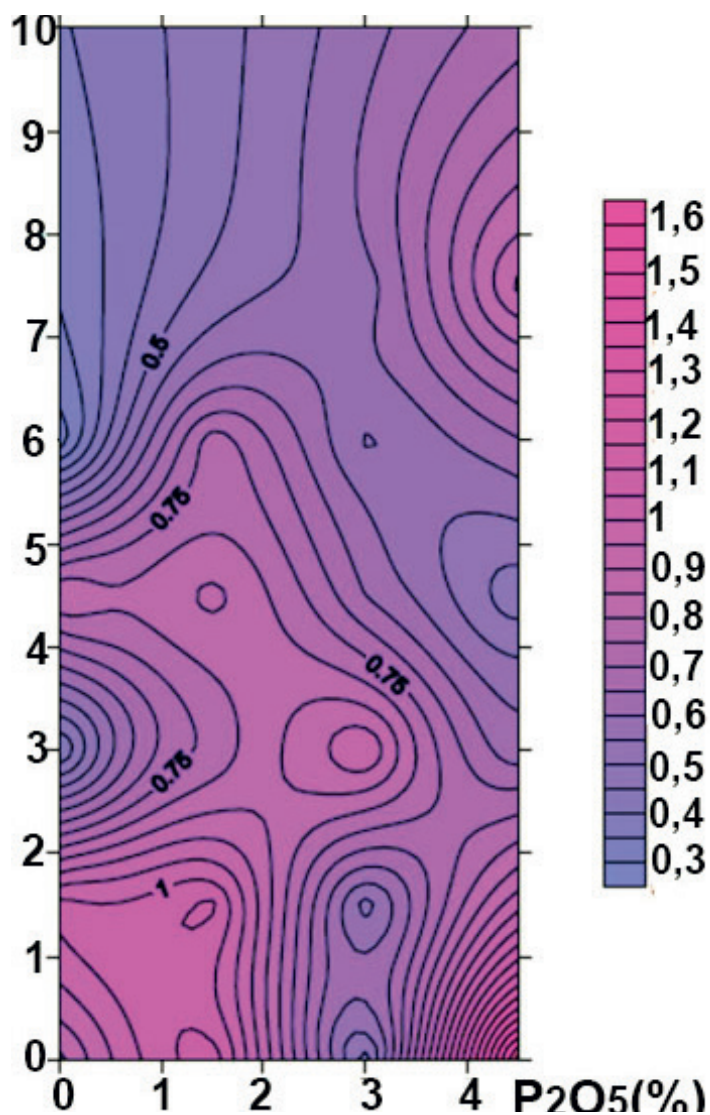

Рис. 14. Участок 1. Геохимическая карта распределения P_2O_5 (%)

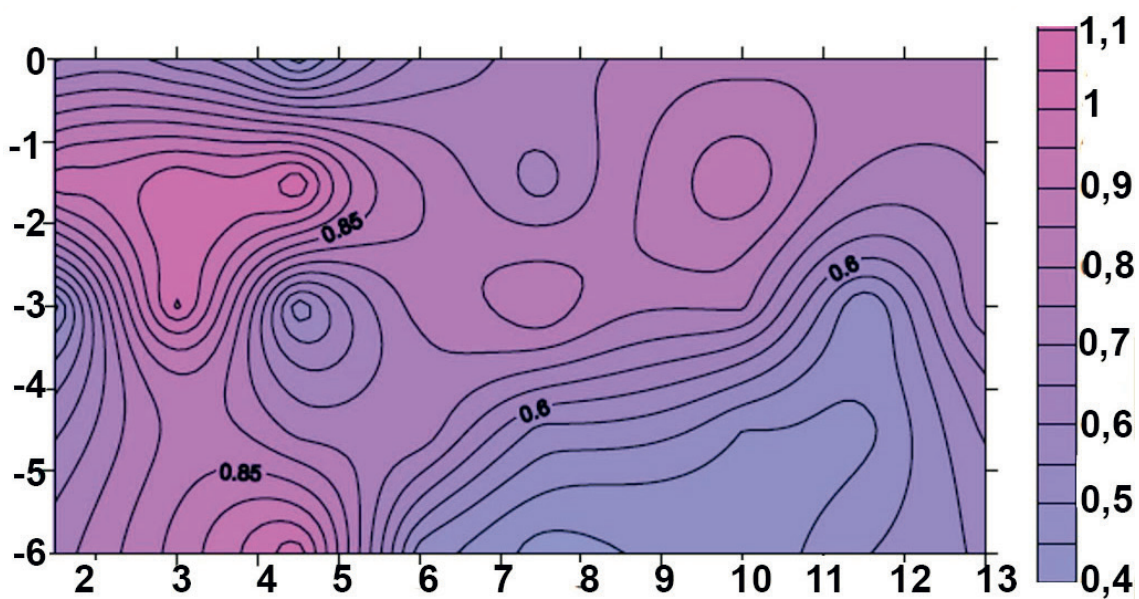

Рис. 15. Участок 2. Геохимическая карта распределения P_2O_5 (%)

смещены относительно зон аномалий калия и рубидия. На участке 2 интенсивность отклонений уменьшается. Полученные данные указывают на присутствие мест разведения огня и выбросов из них в рассматриваемой структуре.

Увеличенные значения фосфатов (P_2O_5) в отложениях подтверждают полученные данные о существовавшей значительной антропогенной активности. Их концентрация совпадает с ранее выделенными зонами по другим антропогенным элементам. Фоновые содержания фосфора – 0,1–0,5%, повышенные – 1–1,6%.

Несколько иная картина наблюдается по значениям распределения свинца, который также связан с деятельностью человека. Его повышенные аномальные значения связаны с современным техногенным воздействием, т.к. хорошо маркируют проходящую рядом дорогу. Свинец, накапливается почвами и растительностью, попадая в окружающую среду вместе с выхлопными газами автомобильного транспорта.

Можно предположить, что зоны с повышенными содержаниями комплекса элементов, таких как P, Ca, K, Sr, Rb, Zn, Cu, маркируют участки ритуальной практики, где могли оставаться сакральные приношения, разделываться мясо животных, разводиться огонь. Останки животных после их раз-

делки, приготовления, захоронения и разложения обогащали почву этими элементами, что в большей степени проявляется на участке 1, а на участке 2 отмечается продолжение этой зоны. Возможно, «ритуальная зона» распространялась и выше по склону останца (Рис. 16, 17).

Выводы

Впервые за весь многолетний период археологических работ в Мурманской области проводилось углубленное специализированное изучение «сейдов» русской Лапландии. Геохимические исследования подтвердили гипотезу о том, что около «Братьев» совершались обрядовые действия, которые можно рассматривать как языческие жертвоприношения, связанные с охотничьей и бытовой магией. Другими словами, эти скальные останцы воспринимались в качестве выразительного природного объекта и наделялись сакральными свойствами; они были тем, что обычно в историографии по саамской этнографии называется «сейдом»: «Сейд – это ни что иное, как природный объект, вполне заурядного вида, но необычных пропорций» [Хальстрём, 2013. С. 27].

Из-за незначительной продолжительности работ и неболь-

Рис. 16. Останцы «Братья». Участок 1. «Ритуальная зона»

шой площади исследований проведён самый начальный этап реконструкции мифоритуальной практики на памятнике. Многие интересные вопросы остаются пока открытыми. Существовали ли какие-то конструкции из дерева, камней, рогов (столбы, навесы, помосты, выкладки) и отдельные функциональные зоны, подразумевающие разное обрядовое структурирование пространства? Проводилось ли «погружение в землю» или жертвоприношения носили «упрощённый» характер? В какой временной период и как долго функционировало данное священное место? Какова степень общественной значимости «Братьев» среди других культовых мест района?

Таким образом, если ранее

ритуальные археологические комплексы саам были отвлечённым понятием без конкретных характеристик, то работы 2011 года позволяют наполнить его более определённым содержанием.

Экспедиции по поиску «жрeтвиц богомерских» в Мурманской области продолжаются. В 2010 г. В.Г. Мизин результативно обследовал северное побережье Кольского п-ва в заливах Ивановская, Зеленецкая, Вящина [Мизин, 2012], В.А. Лихачёв в 2012 г. провёл интересное исследование в Западных Хибинах на озере Вудъявр и на острове Сейт-суол озера Имандра [Лихачёв, 2013], в 2016 г. сотрудники МОКМ разыскали зафиксированные в 1939 г. «жрeтвенники» на южном берегу оз. Сейдозеро [Дзенисов, 2018],

Рис. 17. Останцы «Братья». Участок 2. «Ритуальная зона».

М.М. Шахнович в 2017 г. нашёл группу сейдов на п-ве Средний.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Николая Владимировича Куликова (ООО «Арктические технологии»).

Литература

1. Аикас Т. Саамские сакральные места – археологическое изучение в Финляндии // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. 2016. Вып. 9. С. 159–176.

2. Алымов В. Живая лопарская древность // Карело-Мурманский край. 1929. № 8–9. С. 23–26.

3. Визе В.Ю. Лопарские сейды // Известия Архангельского общества изучения Русского севера. 1912. № 9. С. 395–401; № 10. С. 453–459.

4. Географический словарь Кольского полуострова. Т. 1. Л.: Географо-экономический научно-исследовательский институт ЛГУ., 1939. 156 с.

5. Георги И.-Г. Лопари // Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей. СПб., 1799. Т. 1. С. 35–53.

6. Гурина Н.Н. Неолитические поселения северного побережья Кольского полуострова // МИА. 1951. № 20. С. 143–167.

7. Гурина Н.Н. Время, врезанное в камень: из истории древних лапландцев. Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 1982. 120 с.

8. Гурина Н.Н., Кошечкин Б.И. Датировка неолитических памятников Кольского полуострова и методы её установления // КСИА. 1978. Вып. 153. С. 80–86.

9. Дзенисов Г.А. По следам забы-

той экспедиции // Земля Тре. 2018. Вып. 4. С. 124–125.

10. Жуков А.Ю. Саами в XIII–XVII вв. (публикация источников и комментариев) // Антропологический форум. 2004. № 1. С. 298–322.

11. Земляков Б.Ф. Отчёт о работах Кольской экспедиции // Труды советской секции INQUA. 1936. Вып. II. С. 54–61.

12. Земляков Б.Ф. Арктический палеолит на Севере СССР // СА. 1940. № 5. С. 107–143.

13. Золотарёв Д.А. На Западно-Мурманском побережье летом 1928 года // Кольский сборник / Материалы комиссии экспедиционных исследований АН СССР. 1930. Вып. XXIII. Л.: Изд-во АН СССР. С. 1–22.

14. Кастрен М.А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849). СПб.: Тип. А. Семёна, 1860. – 495 с.

15. Кошечкин Б.И. Древние религиозные представления и обряды кольских саамов // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 118–124.

16. Кулькова М.А. Методы прикладных палеоландшафтных геохимических исследований: учебное пособие для геоэкологических, геохимических специальностей вузов. СПб.: Изд. РГПУ, 2012. – 154 с.

17. Кулькова М.А., Шахнович М.М. Археолого-геохимическое исследование сакральных объектов Западного Мурмана (п-ов Средний) // Комплексные исследования природы Шпицбергена. 2012а. Вып. 11. С. 132–141.

18. Кулькова М.А., Шахнович М.М. Опыт комплексного археолого-геохимического исследования культовых памятников Мурманского

Заполярья (п-ов Средний) // Первобытные древности Евразии. М.: ИА РАН, 2012б. С. 657–676.

19. Лихачёв В. Сейд у Большого Вудъявра // Земля Тре. 2013. Вып. 1. С. 17–25.

20. Макаров Н.А., Чернецов А.В. К изучению культовых камней // СА. 1988. № 3. С. 79–90.

21. Мацак В.А. Печенга. Опыт краеведческой энциклопедии. Мурманск: просветительский центр «Доброхот», 2005. 1008 с.

22. Мизин В.Г. Роль камней сейдов в мифологическом освоении пространства // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада-2. Пятые Шегреневские чтения. СПб: Европейский дом, 2012. С. 5–15.

23. Мурашкин А.И. Археологические памятники Кольского полуострова и проблема происхождения саамов // Археологические Вести. 2005. Вып. 12. С. 148–152.

24. Николаева С.Б. Сейсмогенные деформации в отложениях раннеголоценовой террасы реки Печенга (Кольский полуостров) // Доклады АН. Серия геология. 2006. № 1. Т. 406. С. 69–72.

25. Николаева С.Б. Реконструкция сейсмичности побережья Баренцева моря в позднем плейстоцене и голоцене // Геологические опасности. Архангельск: Архангельский НЦ УрО РАН, 2009. С. 338–341.

26. Никонов А.А. Сильнейшее на Мурманском побережье историческое землетрясение 1503 г. (по преданию двинских поморов) // Юдахинские чтения. Геодинамика и экология Баренц-региона в XXI веке. Архангельск: Архангельский НЦ УрО РАН. 2014. С. 189–192.

27. Подвысоцкий А.О. Рыбачий полуостров: Воспоминания о поездке на

Ледовитый океан // Русский вестник. 1876. № 9. С. 5–65.

28. Прайс Н. Острова Белого моря в сознании саамов // Культурное и природное наследие островов Белого моря. Петрозаводск: изд-во КНЦ РАН, 2002. С. 55–60.

29. Русанова И.П., Тимощук Б.А. Языческие святилища древних славян. М.: Ладога-100, 2007. 304 с.

30. Сериков Ю.Б. Природные объекты в культах и обрядах древнего населения Урала // Тверской археологический сборник. 2013. Вып. 9. С. 31–44.

31. Спиридонов А.В. О палеосейсмодислокациях в районе Печенгской структуры // Геофизические исследования. ИФЗ РАН. 2005. Вып. 4. С. 73–78.

32. Третьяков П.Н. Экспедиция по изучению «арктического палеолита» // СА. 1937. II. С. 227–228.

33. Хальстрем Г. Места жертвоприношений в Русской Лапландии // Земля Тре. 2013. Вып. 1. С. 25–33.

34. Харузин Н. Русские лопари. (Очерки прошлого и современного быта) / Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. LXVI. Труды Этнографического отдела. Т. 10. М.: Товарищество Скоропечатни А.А. Левенсон, 1890. – 472 с.

35. Чарнолусский В.В. Легенда об олене-человеке. М.: Наука, 1965. 139 с.

36. Шахнович М.М. Средневековые волокы Мурманского побережья Баренцева моря // Вестник Кольского научного центра РАН. 3/2019. (11). С. 101–123.

37. Шахнович М.М., Кулькова М.А. Опыт археологического изучения валунных сложений Восточной Фенноскандии: «Ковдорские платформы» // Тверской археологический сборник. 2015. Вып. 10. Т. II. С. 245–255.

38. Шахнович М.М., Кулькова М.А., Сони́на А.В. Хендолакшский лабиринт в Кандалакшском заливе Белого моря // Археология Севера. 2015. Вып. 6. С. 149–156.

39. Шахнович М.М., Кулькова М.А., Сони́на А.В. К вопросу о валунных насыпях в Северном Приладожье: опыт комплексного исследования // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. 2019. Вып. 12. С. 496–509.

40. Шмидт А.В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник. Материалы комиссии экспедиционных исследований АН СССР. 1930. Вып. XXIII. С. 119–169.

41. Шутова Н.И. Общие и особенные черты священных мест Урала и Среднего Поволжья эпохи Средневековья // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 109–117.

42. Äikäs T., Bergmann U., Salmi A.-K. An Attempt to use Blood Residue Analysis to Identify Sacrificial Practices at Sieidi Sites // FA. 2012. XXIX. P. 93–104.

43. Äikäs T. From Boulders to Fells: Sacred Places in the Sami Ritual Landscape / Monographs of the Archeological Society of Finland. 2015. 5. Oulu. 294 p.

44. Aston M.A., Jackson A.W., Martin M.H. The use of heavy metal analysis for archaeological surveying // Chemosphere. 1998. № 37. С. 465–477.

45. da Costa M.L., Kern D.C. Geochemical signatures of tropical soils with archaeological black earth in the Amazon, Brazil // Journal of Geochemical Exploration. 1999. № 66. Pp. 369–385.

46. Griffith M.A. A pedological investigation of an archaeological site in Ontario, Canada: An examination of the soils in and adjacent to a former village (Part 2) // Geoderma. 1981. № 25. Pp. 27–36.

47. Klecka W.R. Discriminant analysis. London: Newbury Park: SAGE Publications, 1980. 71 с.
48. Kulkova M.A., Gusentsova T.M., Nesterova L.A., Nesterov E.M. The reconstruction of functional zones at Neolithic to Early Iron Age sites in the Neva river basin (Russia) by means of geochemical markers // Ed. Mannermaa K., Manninen M.A., Pesonen P., Seppänen L./ MASF. 2019. 7. Helsinki: Harvest. P. 72–92.
49. Middleton W.D., Price T.D. Identification of Activity Areas by Multi-element Characterization of Sediments from Modern and Archaeological House Floors using Inductivity Coupled Plasma-atomic Emission Spectroscopy // Journal of Archaeological Science. 1996. № 23. Pp. 673–687.
50. Nummedal A. Stone age finds in Finnmark. Oslo: H. Aschehoug & Co., 1929. 100 s.
51. Nunez M.G. Archeology through soil chemical analysis: an evaluation. – Helsinki: University of Helsinki Department of Archaeology. 14. 1977. 134 p.
52. Okkonen J. Archeological investigations at the Sami sacrificial site of Ukonsaari in Lake Inari // Fennoscandia archaeological. 2007. XXIV. P. 29–38.
53. Parnell J.Ja., Terry R.E. Soil Chemical Analysis Applied as an Interpretive Tool for Ancient Human Activities in Piedras Negras, Guatemala // Journal of Archaeological Science. 2002. № 29. Pp. 379–404.
54. Ramsay W. Imandrajärvestä ja Rasnjarkan lappalaisista // Acta Lapponica Fenniae. 2008. № 20. P. 93–104.
55. Sarkkinen M. Sacred stones in Finland – Remnants of a Prehistoric Cult // Европейский Север: взаимодействие культур в древности и Средневековье / Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. 1995. Вып. 14. С. 55–71.
56. Seitsonen O. Petsamo Maattivuono Rotojoki: two Late Stone Age dwellings excavated by Sakari Pälvi in 1929 // People, material culture and environment in the North. 2006. Pp. 226–237.
57. Wilson C.A., Davidson D.A., Cresser M.S. Evaluating the use of multi-element soil analysis in archaeology: a study of a post-medieval croft (Olligarth) in Shetland // Atti Societa Toscana di Scienze Naturali di Piza, Memori Serie. 2007. A.112. Pp. 69–77.